

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.6>

Кравченко Галина Валентиновна

**РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ НЭПА: ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ)**

Статья посвящена изучению процесса трансформации теории и практики кооперации, в частности рабочей кооперации в годы нэпа на региональном материале Дона, Кубани и Ставрополья. Рабочая кооперация и профсоюзы в начале 1920-х годов формировали социальный механизм нэпа. Представляет несомненный интерес анализ работ теоретиков и практиков кооперативного движения, обосновавших самостоятельность и самостоятельность кооперации, без которых она теряла свою самость. В статье показаны состояние рабочей кооперации в регионе в годы нэпа - период возможного кратковременного сотрудничества с властью, трансформация её сущностных признаков и природы в условиях большевистского этатизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 35-39. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Весь Царицын. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду на 1911 год.** Царицын: Т-во «Царицынская мысль», 1911. 113 с.
2. **Вся Россия. 1897. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи.** СПб.: Издание А. С. Суворина, 1899. Т. 2. 2604 стб.
3. **Герман А. А.** Немецкая автономия на Волге. 1918-1941: в 2-х ч. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. Ч. 1. 192 с.
4. **Государственный архив Саратовской области (ГАСО).** Ф. 28. Оп. 1.
5. **ГАСО.** Ф. 176. Оп. 1.
6. **ГАСО.** Ф. 421. Оп. 1.
7. **Литвинова И. Н.** Евреи-предприниматели г. Царицына // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 14 апреля 2019 г.) / Петербургский ин-т иудаики. СПб., 2019. С. 63-68.
8. **Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894-1917 гг.:** в 3-х т. / под ред. И. В. Пороха. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. Т. 2. Ч. 2. 429 с.
9. **Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год.** Саратов: Типография губернского правления, 1914. 405 с.
10. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXXVIII. Саратовская губерния** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/436674> (дата обращения: 20.05.2019).
11. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** Собрание второе. Т. LIV. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1881. 565 с.
12. **Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере).** Пг., 1915. 755 с.
13. **Торгово-промышленный адресный и справочный указатель губерний: Самарской, Саратовской:** в 4-х т. Саратов, 1912. Т. 4. 248 с.
14. **Фабрично-заводские предприятия Российской империи.** Изд-е 2-е. Пг., 1914. 8763 стб.
15. **Шпак А. А.** Административно-территориальные преобразования в Неповолжье. 1764-1944 гг. Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2012. 386 с.

**NATIONAL ENTREPRENEURSHIP IN THE SOUTHERN VOLGA PROVINCES IN THE EARLY XX CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF KAMYSHIN, TSARITSYN AND DUBOVKA POSAD)**

Karagodina Oksana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Litvinova Irina Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Volgograd State University
karagodina@volsu.ru; litvinova@volsu.ru

The article deals with the economic and socio-cultural aspects of national business communities' practices in the southern regions of Saratov province by the example of Kamyshin and Tsaritsyn districts in the period of the country modernization at the beginning of the XX century. The types and forms of the Volga Germans', the Jews' and the Tatars' commercial activity are revealed. Reference materials and new archival sources introduced into scientific circulation make it possible to consider the specificity of the ethnic communities' entrepreneurship and their religious affiliation. The authors somehow fill the existing gaps in the history of socio-cultural heritage of Volgograd region.

Key words and phrases: national entrepreneurship; southern provinces; the Germans; the Jews; the Tatars.

УДК 94(47)+06

Дата поступления рукописи: 30.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.6>

Статья посвящена изучению процесса трансформации теории и практики кооперации, в частности рабочей кооперации в годы нэпа на региональном материале Дона, Кубани и Ставрополья. Рабочая кооперация и профсоюзы в начале 1920-х годов формировали социальный механизм нэпа. Представляет несомненный интерес анализ работ теоретиков и практиков кооперативного движения, обосновавших самостоятельность и самодеятельность кооперации, без которых она теряла свою самость. В статье показаны состояние рабочей кооперации в регионе в годы нэпа – период возможного кратковременного сотрудничества с властью, трансформация её сущностных признаков и природы в условиях большевистского этатизма.

Ключевые слова и фразы: Дон; Кубань; Ставрополье; нэп; рабочая кооперация.

Кравченко Галина Валентиновна, к.и.н.
Ростовский государственный университет путей сообщения
gvkravchenko@yandex.ru

**РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ НЭПА: ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ)**

Особую актуальность на современном этапе развития России приобретает проблема общественного идеала. Исследование работ теоретиков и практиков кооперативного движения позволяет выявить социальное

переустройство, осуществляемое с помощью кооперации, в качестве идеала. Актуальным является опыт кооперации по созданию механизма взаимодействия личности и общества, который сокращает возможности для действий патерналистского характера. Анализ отчётов Церабсекции за 1923-1924 гг., материалов периодики, данных архивов позволил выделить основные направления, в которых отчасти реализовывалась попытка рабочей кооперации на Юго-Востоке вырваться из-под государственного контроля и утвердиться в политическом процессе с апреля 1921 по май 1924 года. Однако во второй половине 1920-х годов вмешательство государственных органов ограничивало самостоятельность и экономическую свободу кооперации.

Современные исследователи отмечают, что проблема взаимоотношений властных структур и различных видов кооперации, включая рабочую потребительскую, в условиях нэпа всегда привлекала внимание теоретиков и практиков кооперативного движения [29]. Осмысление вопросов, связанных с историей рабочей кооперации, началось в 1920-е годы в работах М. Л. Хейсина, П. Кожаного, М. Балабанова, Н. Я. Маковой [1; 8; 9; 25]. Процесс формирования первых шагов самоорганизации рабочей кооперации освещался северокавказскими авторами М. Высоцким, И. Обориным и другими [2; 12].

Важно отметить специфику литературы 1920-х годов: плюрализм в оценках, полемическую заострённость, практическое применение в деятельности партийных, советских и хозяйственных органов. Работы 1920-х годов имеют источниковедческое значение, так как содержат фактический материал. Вместе с тем прослеживаются слабость научного анализа и отсутствие исследований комплексного характера.

Среди теоретиков и практиков кооперативного движения были представители различных политических партий: С. Маслов, А. Меркулов (эсеры), В. Ногин, И. Скворцов-Степанов (большевики), В. Поссе (анархист). Однако в течение первого десятилетия XX в. в кооперативном движении практически монополично работали М. Л. Хейсин, Л. Хинчук, И. И. Егоров, П. Н. Колокольников, Ф. Череванин и другие российские социал-демократы (меньшевики). Идеологами, обосновавшими социокультурный феномен кооперации, являлись В. Ф. Тотомиянц, М. И. Туган-Барановский, А. В. Чайнов и другие. Взгляды В. И. Ленина по проблемам кооперации претерпели эволюцию. Вместо социалистической системы, ориентированной на рынок, по его замыслу, реализовалась насильственная коллективизация. В этой связи важное значение имели исследования Л. Е. Файна, В. В. Кабанова, В. П. Дмитренко, которые посвящены проблемам вмешательства государства во внутренние процессы кооперации: насильственному разрушению её социальной структуры и внедрению партийных сил, что привело к кризису кооперативной системы в конце 1920-х годов.

Целью статьи является изучение процесса трансформации теории и практики кооперации, в частности рабочей кооперации, в годы нэпа на региональном материале Дона, Кубани и Ставрополья.

Анализ литературы 1920-х годов позволяет проследить основные этапы развития и изменения социального состава городской потребительской кооперации. На первом этапе (1865-1870 гг.) преобладала интеллигенция. Вторым (1870-1880 гг.) характеризовался нацеленностью на решение социальных вопросов. В число участников и организаторов включались фабрично-заводские потребительские общества рабочих, служащие и зажиточные крестьяне.

На третьем этапе (1881-1905 гг.) отмечалось развитие независимой рабочей кооперации и выделение её из общегражданской. Принципы и задачи рабочей кооперации как «третьей формы рабочего движения» сформулированы меньшевиками М. Л. Хейсиным, И. И. Егоровым, Ф. Череваниным на I Всероссийском съезде рабочей кооперации в августе 1917 г. Был создан Всероссийский Совет рабочей кооперации, её идейный центр. Меньшевики-теоретики обосновывали в своих работах существенные принципы кооперации, которые они называли рождельскими. В марте 1915 г. на Кубани в Екатеринодаре возникло одно из первых потребительских обществ «Основа», которое сформулировало следующие принципы своей деятельности: расплачиваться наличными; заботиться об удовлетворении нужд, а не об извлечении прибыли; осуществлять воспитание народа; привлекать женщин; улучшать условия жизни и другие. В станице Самарской также учреждалось потребительское общество с целью обеспечения своих членов предметами потребления и предоставления возможности из прибыли от операций делать сбережения. М. И. Туган-Барановский видел в кооперации новую социально-экономическую систему, в которой частная собственность, будучи долевым, не вызывала социального напряжения. Таким образом, по мнению теоретиков кооперативного движения, потребительское общество является внеклассовой организацией. В основе его деятельности лежат одинаковые для всех классов потребительские интересы. В качестве цели кооперации обосновывалось коллективное сбережение и развитие рационального потребления.

Важно отметить, что кооперация к началу 1920-х годов имела почти 30 лет опыта в осуществлении посредничества. Большевицкое руководство изучало проводимую царским правительством в начале 1890-х годов кооперативную политику. Сравнивая значение и задачи «старой» кооперации и её место и роль в условиях большевицкого режима, следует отметить, что в начале 1920-х годов перед кооперацией вместо потребительских на первый план выдвигались интересы государства. Предполагалось использовать её аппарат в борьбе с частником на рынке. В новых условиях большевики ставили задачу не делить кооперацию на рабочую, крестьянскую, обывательскую и другие, а сохранять её единой.

Анализируя процесс трансформации теории и практики рабочей кооперации в годы нэпа на Дону, Кубани и Ставрополье, обратимся к периодизации новейшей истории рабочей кооперации (1921-1925 гг.), предложенной М. Балабановым: «1) до середины 1922 года, который характеризовался стихийным ростом рабочей кооперации, снабжением рабочих на основе натуральных фондов; 2) до лета 1924 г. отмечался переход всей кооперации на добровольное членство, осуществлялось первоначальное строительство рабочей кооперации и расширение направлений её кооперативной работы; 3) до 1925 года период укрепления организационных

и хозяйственных основ, связанных с переходом к добровольному членству» [1, с. 345]. Эта периодизация истории рабочей кооперации даёт возможность выявить общие тенденции и специфику её развития на Юго-Востоке.

В декретах СНК от 7 апреля, 13 мая 1921 года о натурпремировании (выдаче рабочим части производимой ими продукции для обмена на продукты питания) предлагалось создать натурфонд, который сосредотачивался в руках рабочей кооперации для осуществления планомерного товарообмена. К октябрю 1921 года В. И. Ленин признавал, что товарообмен вылился в куплю-продажу. Следовательно, крестьянство выбрало свободную торговлю, которой в сентябре 1921 года был заменён продуктообмен. Кооперации потребовалось включиться в процесс государственного регулирования рынка. Для этого ей необходимо было создать товарный и денежный фонды. Голод 1921 года и обнищание затруднили сбор паевых взносов. В 1922 году кредит Госбанка кооперации выдавался под 15%, что привело к росту цен на кооперативные товары. В конце 1923 года был осуществлён переход к добровольному членству в кооперации от обязательного. Кооперация получила возможность накопления собственных средств. Важно подчеркнуть, что условием нормальной экономической деятельности являются наличие собственных материальных ресурсов и степень их устойчивости по отношению к государственным. Так, в 1923 году соотношение между собственными и заёмными средствами в потребительской кооперации составляло по стране 1 : 2,6 [17, с. 54]. Данные Государственного архива Ростовской области отражают аналогичную тенденцию: из 11 ЦРК края 8 пользовались кредитом Церабсекции в том же году [5, д. 376, л. 2]. Отчёт Ростово-Нахичеванского Единого Потребительского Общества за 1923 г. отмечает падение доли собственных средств в балансе с 59,2% до 19,79% [13, с. 14].

Анализ стенограммы IX Донской областной партконференции (ноябрь 1923 г.) показывает, что ничтожные паевые капиталы вынуждали кооперацию использовать заёмные средства, их доля составила 95%; 97,8% [28, д. 108в, л. 312, 314]. К началу 1924 года по Юго-Востоку вовлечение «чужих» средств увеличилось в 11 раз, собственных – в 4 раза. Приоритет политических целей над экономической целесообразностью привёл к трансформации имманентной сущности рабочей кооперации.

Под давлением объективных процессов кооперации отводилась ведущая роль в кредитовании рабочих. В докладе «О рабочей потребкооперации» на IX Донской окружной конференции (ноябрь 1923 г.) отмечалось, что «из придатка к государственному аппарату кооперация расформировалась в хозяйственную организацию» [3, с. 1]. Можно проследить динамику роста доли рабочей кооперации по охвату бюджета рабочего и служащего: от 5 до 10% в начале 1923 года до в среднем 35–40%, а в отдельных ЦРК – до 60% к 1924 году [Там же]. Таким образом, кратковременный период сотрудничества и конкуренции капитала кооперативного и частного создавал альтернативу полному огосударствлению кооперации.

В крае осуществлялся поиск путей удешевления товаров, реализуемых через рабочую кооперацию: создание собственных предприятий оптовой и розничной торговли, открытие «шикарных» магазинов. Интересна предложенная Крайсоюзом иная схема построения потребкооперации: первичный кооператив – Крайсоюз. Реорганизация снизила накладные расходы по низовой кооперации с 18 до 12% к обороту, Крайсоюзу – с 13 до 8% (июнь 1924 года – январь 1925 года). Однако в целом противоречивость положения кооперации сохранялась.

Вмешательство Советской власти в организационное строительство рабочей кооперации ограничивало рамки экономического самоуправления. III Всероссийский съезд уполномоченных Центросоюза (июль 1922 г.) закрепил в решениях необходимость реорганизации рабочей кооперации: Церабкоопы и губрабкоопы были преобразованы в Церабсекцию и губсекции. Положение о Церабсекции было утверждено правлением Центросоюза 24 июля 1922 года. Началась организационная перестройка рабочей кооперации на местах.

В мае-августе 1922 года была осуществлена следующая реорганизация в крае: ЕПО преобразованы в ЦРК (Центральные рабочие кооперативы). Вместо Крайрабкоопа на Юго-Востоке была учреждена должность Уполномоченного Церабсекции на Юго-Востоке, оперативный аппарат которого находился при Юго-Восточной краевой конторе Центросоюза. Вмешательство большевистского руководства ограничивало возможности кооперации в сохранении самостоятельности и самоорганизации в потребительских целях.

В начале 1920-х годов кооперация нуждалась в опытных кадрах. Правление Центросоюза в январе 1922 года обратилось с предложением о работе в его составе к прежнему правлению, находившемуся за рубежом. Однако «буржуазные кооператоры» отказались принять предложение. Кооперация, особенно на Юго-Востоке, являлась «гнездом псевдо-социалистов», то есть меньшевиков. Инструктивное письмо Юговостбюро ЦК РКП(б) от 1 октября 1922 года содержит информацию о том, что организационно-инструкторские отделы кооперации являлись «цитаделью меньшевизма и эсеровщины... без единого коммуниста в их составе» [7, с. 1]. В стенограмме IX Донской областной конференции (май 1924 года), в отчёте Донкома РКП(б) отмечалось, что «в кооперации работало только 7% коммунистов» [28, д. 180б, л. 261].

Важно подчеркнуть, что существенной чертой рабочего класса России на всём протяжении истории являлась социальная и квалификационная неоднородность. Профсоюзы появились в ходе первой русской революции из «рабочей аристократии», квалифицированных слоёв, профессионалов. Потребительская кооперация в России возникла как движение либерально-демократическое. Идеологи кооперативного движения не ставили никаких революционных целей. Кооперация рассматривалась как воплощение высоких социальных идеалов и идей просветительства. М. Л. Хейсин, член Совета рабочей кооперации в 1917–1918 гг., участник почти всех кооперативных съездов до 1920 года, отмечал, что «рабочая кооперация возникла помимо партийного влияния и не находилась под таковым» [27, с. 26]. Теоретики кооперации сформулировали сущностные (рочдэльские) принципы её функционирования: добровольность членства, равноправие и низкий пай, получение прибыли, которая должна употребляться на общественные цели, финансовая независимость, политическая нейтральность [6; 20]. Кооператор-практик, председатель Новочеркасского общества потребителей Э. Г. Фукнер о сущности и социальной роли кооперации писал: «Служить членам не только

лавкой, но и сберегательной кассой, так как прибыль – сумма сбережений общества на покупках в течение года. В кооперации может участвовать всякий» [24, с. 37-38]. Основы деятельности и социальные функции кооперации разрабатывали её теоретики на Западе. Немецкий экономист Г. Шульце-Делич на первое место ставил экономическую эффективность на основе паевого капитала, Ф. В. Райффайзен – «внутреннее миссионерство». Французский деятель Шарль Жид обосновывал способность кооперации строить альтернативное экономическое пространство. Западные кооперативные идеи начали проникать в Россию в 30-40-е годы XIX века. Важно отметить, что российская кооперативная теория сформировалась как оригинальное интеллектуальное явление к концу XIX века. Вклад в начале XX века в развитие кооперативной мысли и общественного сознания внесли С. Н. Прокопович, М. Л. Хейсин, В. Ф. Тотомианц, В. А. Поссе и другие. По мнению С. Н. Прокоповича, кооперативы являются «некапиталистическими организациями», а кооперация, объединяя потребителей, становится формой самозащиты трудящихся [16, с. 4-5]. В. Ф. Тотомианц отмечал, что кооперативное движение – «единственное социальное движение, в котором уживаются люди различных социальных положений и партийных убеждений» [21, с. 17]. Размышляя о природе кооперации, видный теоретик писал: «Идеалом кооперации является не борьба за существование (и отнюдь не борьба классов), а единение для жизни» [22, с. 59]. М. Л. Хейсин рассматривал кооператив как независимое, демократически самоуправляющееся предприятие для достижения тех или иных хозяйственных выгод [26]. Вместе с тем В. А. Поссе считал, что, получая прибыль, «кооперативы должны стремиться к удовлетворению как материальных, так и духовных нужд населения» [15, с. 9].

Важное значение имеют идеи М. И. Туган-Барановского, который ввёл вопрос о кооперативном идеале в русло теоретического исследования. В своём труде «Социальные основы кооперации» учёный писал: «Кооператив есть организованная самопомощь, и в этом его специфическая сила» [23, с. 91]. Каждый класс создаёт кооперативы специфического типа. Исходя из этого, М. И. Туган-Барановский выделяет в отдельные разделы своего исследования типы кооперации: мелкобуржуазную, крестьянскую, пролетарскую. Видный учёный отмечал: «...кооператив является по своему существу демократическим учреждением» [Там же, с. 283]. Экономист, социолог, историк, представитель «легального марксизма» выступал за «нейтральность» кооперативного движения в политическом плане.

Таким образом, социокультурная эволюция общества и развитие кооперации меняли взгляды идеологов и практиков кооперативного движения, которые складывались на пересечении социалистических и либеральных идей. Авторы объединяло, несмотря на различия политических взглядов, общее представление о социально-преобразующей роли кооперации.

Иные подходы содержались в работах большевиков. Их кооперативная доктрина складывалась из политических (классовых) целей и хозяйственных потребностей, продиктованных сиюминутными интересами. «Кооперация, – отмечал один из большевистских авторов Н. Л. Мещеряков, – должна изменить свои принципы, свою идеологию, свои организационные формы, приспособив их к новым условиям» [10, с. 5]. И. Скворцов-Степанов вообще полагал, что кооперация живёт и умирает вместе с капиталистическим обществом. Региональные авторы (З. Болотин, Н. Янчевский, М. Высоцкий, И. Позамантир) рассматривали рабочую кооперацию как один из методов завоевания экономических позиций рабочим классом, осуществления им руководства над крестьянством. В региональной периодике 1920-х годов отмечалось, что «кооперация является могучим орудием воздействия на массы, и это орудие должно быть в руках партии» [30, с. 1]. Обосновывалась необходимость осуществления профсоюзами, как наиболее политизированными органами, идейного руководства рабочей кооперацией [12, с. 22-24].

Для независимой рабочей кооперации в доктрине большевиков не было места, на путь определённого экономического либерализма их толкнул «инстинкт самосохранения». Кооперация же однозначно виделась большевикам как инструмент государственной политики.

На Юго-Востоке на состояние рабочей кооперации в конце 1923 – 1924 г. повлияли: товарная депрессия, снижение цен в порядке государственного регулирования, проведение денежной реформы, отсутствие финансовой базы, то есть собственных средств у рабочих кооперативов. В 1924 году на основе Кубсоюза, Доноблсоюза и Юго-Восточной конторы Центросоюза был создан Юго-Восточный краевой союз потребительских обществ, при котором образована Краевая секция рабочей кооперации, реорганизованная из Уполце-рабсекции [4, с. 1-2]. Происходил процесс хозяйственного и организационного слияния рабочей и общегражданской кооперации. Конструирование организационной системы осуществлялось в соответствии с правительственными декретами и партийными постановлениями: ЦИК и СНК от 28 декабря 1923 года «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства». Постановление ЦИК и СНК от 20 мая 1924 года ограничивало право вступления граждан в кооперативы наличием избирательных прав в Советы: лишённые такого права не могли стать членами кооператива. 4-е Собрание уполномоченных (ноябрь 1923 года) установило предельный размер пая в 5 рублей. Кооперация сохранила доступность организации наименее обеспеченным слоям.

В отчёте Церабсекции за 1924 год приводились данные: «...по всем важнейшим товарам установить кооперативные цены на 15-20% ниже рыночных» [18, с. 49]. Убытки рабочей кооперации на Северном Кавказе в течение осени 1923 – весны 1924 г. на снижении цен «сверху» составили 4 млн рублей [14]. Кредит, предоставляемый кооперации, также подрывал принципы её деятельности. К 1924 году приток собственных средств кооперативов возрос в 2,3 раза, заёмных – в 16,5 раз [19, с. 37].

В 1926 году на Юго-Востоке началось планирование хозяйственной деятельности потребительских обществ, внедрение централизованного управления, статистической отчётности снизу доверху. Циркуляром Церабсекции с октября 1926 года определялась обязательность составления совместных планов (годовых и квартальных)

проводимой органами рабочей кооперации и культотделами профсоюзов культурно-просветительской работы. Рабочая кооперация в регионе использовала предоставленную профсоюзами инфраструктуру: красные уголки, клубы. Со второй половины 1920-х годов рабочая кооперация привлекалась к решению задач по хлебозаготовкам, снижению цен. Государство осуществляло корректировку процесса её развития.

Таким образом, на Юго-Востоке на место и роль рабочей кооперации в политическом процессе оказывали влияние дестабилизирующие начала рынка и попытки государственного регулирования, которые деформировали принципы кооперативного движения. Изучение работ теоретиков и практиков кооперации и сравнение их подходов с позициями представителей марксистской кооперативной доктрины позволило выявить имманентные основы кооперации. Анализ процесса трансформации теории и практики рабочей кооперации на региональном материале помог выделить особенности данной трансформации на Дону, Кубани и Ставрополье: прочные позиции меньшевиков в кооперации края; значительное влияние профсоюзов, которые стремились взять на себя роль руководителей рабочих кооперативов; попытки большевистского руководства через рабочую кооперацию распространить диктат партии на всю систему потребительской кооперации.

Список источников

1. Балабанов М. С. История рабочей кооперации в России. Очерки по истории рабочего кооперативного движения. Изд-е 4-е, доп. М.: Центросоюз, 1928. 370 с.
2. Высоцкий М. Место и значение рабочей кооперации в общей системе потребкооперации // Наш труд. 1923. 8 июля.
3. Высоцкий М. Некоторые перспективы и итоги рабочей кооперации на Юго-Востоке // Наш труд. 1924. 1 июня.
4. Высоцкий М. О краевом Центре потребкооперации на Юго-Востоке // Наш труд. 1924. 9 марта.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 228. Оп. 1.
6. Жид Ш. Двенадцать заповедей кооперации. М.: Моск. союз потреб. о-в, 1917. 15 с.
7. Инструктивное письмо всем Укомам, окркомам, губбюроам РКП(б) Юго-Восточного края // Советский Юг. 1922. 1 октября.
8. Кожаный П. Рабочая кооперация за 10 лет советской власти. М.: Центросоюз, 1927. 92 с.
9. Макерова Н. Я. Исторический очерк русской потребительской кооперации. М.: Изд. Центросоюза, 1923. 43 с.
10. Мещеряков Н. Л. Современная кооперация. М. – Пг.: Гос. изд-во, 1924. 164 с.
11. Новые идеи кооперации: сб. ст. М., 1919. 93 с.
12. Оборин И. Потребительская кооперация на Юго-Востоке России // Юго-Восток: справочник по Юго-Востоку. Ростов н/Д, 1924. С. 22-24.
13. Отчёт Ростово-Нахичеванского ЕПО за 1923 г. Ростов н/Д: Ростовское н/Д «ЕПО», 1924. 42 с.
14. Отчёт 4-го Краевого совещания рабочей кооперации Северного Кавказа. Ростов н/Д: Крайрайсекция, 1926. VI+117 с.
15. Поссе В. А. Идеалы кооперации. Пг.: Мысль, 1918. 16 с.
16. Прокопович С. Н. История кооперации в России: её теория и практика. М., 1903. 243 с.
17. Рабочая кооперация в 1922-1923 гг. (отчётные данные Церабсекции). М., 1923. 57 с.
18. Рабочая кооперация в 1923 – начале 1924 г. (доклад VI Всесоюзному съезду профсоюзов). М.: Изд. Церабсекции, 1924. 121 с.
19. Рабочая кооперация в 1924 г. (к VI Всесоюзному съезду профсоюзов). М., 1924. 231 с.
20. Татарчуков А. Родоначалники рабочей кооперации / Всерос. совет рабочей кооперации. М., 1918. 31 с.
21. Тотомианц В. Ф. Сельскохозяйственная кооперация: очерки с приложением уставов. СПб.: М. И. Семенов, 1908. 368 с.
22. Тотомианц В. Ф. Теория, история и практика потребительской кооперации. СПб.: М. В. Кечеджи-Шаповалов, 1913. 359 с.
23. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Перепеч. с 3-го изд. М.: Экономика, 1989. 509 с.
24. Фукнер Э. Г. Кооперация и её задачи. Новочеркасск, 1918. 112 с.
25. Хейсин М. Л. История кооперации в России. Все виды кооперации с начала её существования до настоящего времени. Л.: Время, 1926. 386 с.
26. Хейсин М. Л. Потребительская кооперация в Великобритании. Пг.: Мысль, 1917. 142 с.
27. Хейсин М. Л. Рабочая кооперация и социал-демократия. Пг.: Рабочая библиотека, 1917. 32 с.
28. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1.
29. Ягов О. В. Власть и кустарно-промышленная кооперация в условиях нэповского эксперимента: историография проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 84-90.
30. Янчевский Н. Больше внимания! // Советский Юг. 1922. 12 августа.

**WORKERS' COOPERATION IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY:
TRANSFORMATION OF THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES
(BY THE MATERIAL OF DON, KUBAN AND STAVROPOL REGIONS)**

Kravchenko Galina Valentinovna, Ph. D. in History
Rostov State Transport University
gkravchenko@yandex.ru

By the material of Don, Kuban and Stavropol regions, the article examines the process of the transformation of theory and practice of cooperation, in particular workers' cooperation, in the years of New Economic Policy. At the beginning of the 1920s, workers' cooperation and trade unions formed a social mechanism of New Economic Policy. The paper focuses on analysing the works of theoreticians and practitioners of cooperative movement who justified self-sufficiency and self-activity of cooperation without which it loses its selfhood. The article considers the state of workers' cooperation in the regions in the years of New Economic Policy – the period of potential short-term cooperation with the authority, – transformation of its essential features and nature under the conditions of Bolshevik etatism.

Key words and phrases: Don region; Kuban region; Stavropol region; New Economic Policy; workers' cooperation.